

Владимир Кошин.

Друг, который на протяжении четырёх лет ежедневно, на своих руках, выносил Петра на работу.

У Петра уже была 1 группа инвалидности без права работы, но он продолжал работать на комбинате, т.к. коллектив и руководство комбината решили: Петр уволится только тогда, когда сам придет к этому решению. Подобное решение не заставило нас долго ждать, Петр уже не мог добраться до «Запорожца», не говоря о том, чтобы дойти до своего кабинета.

Он объявил ребятам, что с завтрашнего дня не выходит на работу, а вечером будет выставляться. Но вечером к нам никто не пришел. Мы с Петром практически не разговаривали, каждый думал о жизни с завтрашнего дня, понимая, что ничего хорошего она нам не сулит. Наверное, подобное состояние у людей, которые уходят на пенсию. Но это не пенсия. Для молодого, 37 летнего человека, который прекрасно понимал, что не пройдет и года, как его жизнь превратился в замкнутое пространство - это была трагедия.

На следующее утро неожиданно позвонили в дверь - на пороге стоял Владимир Кошин.

Он весело подмигнул мне, не раздеваясь, заглянул в комнату Петра, с наигранной грубостью прорычал: «Долго ты собираешься вылеживаться, вставай - пора ехать на работу!» Петр промаялся всю ночь, заснул только на рассвете и ничего не мог понять: «Володя, какая работа, у меня сил нет, отпахался я, друг ты мой милый». Ничего не знаю, сказал Владимир, даю 10 минут на сборы, взял ключи от гаража и ушел.

Не знаю почему, но я была уверена, что еще не вечер, еще не пришло время нашему страшному «завтра». Быстро собрала Петра и молча села возле него.

Сидели молча, с тревогой прислушивались, надеясь как можно быстрее услышать звук родного «Запорожца» и мы его услышали: рев рассекал утреннюю тишину так, как будто стадо коров гнали на бойню. Я не поверила своим ушам и выскочила на балкон.

То, что я увидела, обидно не рассказать: мой любимый «Запорожец» упирался, как мог, он сигал по дороге рывками, издавая неприличные звуки на весь район, и как мустанг пытался сбросить с себя Владимира. Стоя на балконе, я с удовольствием и восторгом наблюдала за этой картиной, осознавая, что только мне безропотно подчинялся любимый агрегат.

Владимир не знал, что тормоза появляются после третьего качка, поэтому с перепуганным и изумленным лицом, профессионально притерся к бордюру у нашего подъезда.

Выйдя из машины, он не просто смеялся, он облокотился на капот машины, пытался

успокоиться, бил кулаком себя в грудь и сквозь слезы еле выговорил: «Ядрена мать, вот такого я еще никогда не испытывал». На что я ему, ехидно ответила: - сам напросился.

Подобная веселость, как никогда была кстати, каждый из нас понимал, что Владимир сделал за нас выбор - предложил выход из критической ситуации, а это уже не игрушки и дело не одного дня.

Утренняя наигранность после общения с моей техникой у Владимира исчезла, и дальнейший, не простой психологически, момент прошел песней.

Два крупных мужика смотрели друг на друга – решали проблему, каким макаром донести Петра до «Запорожца».

«Ребята, вы что, в детский сад не ходили?» -спросила я. «Возможен единственный вариант, как в игре «Мы красные кавалеристы».

Владимир быстро сообразил, присел на корточки перед Петром, подставив свои мощные плечи и шею, но произошла затяжная пауза, которая стирала любую шутку. У Петра шла душевная борьба, он не мог принять то, что его будут нести на руках, от волнения не поднимались руки, не говоря о том, чтоб сделать «замок» вокруг шей друга.

Скорей всего, если бы не настойчивый характер Владимира, Петр бы отказался, остался дома и жизнь пошла бы по минусовому сценарию.

Но тот не стал рассусоливать, взял руки Петра, обвинил их вокруг своей шеи и грубо сказал: «Я понимаешь ли спешу, в 7 часов меня ждут бабы на раскомандировке, а он чухается», и серьезным тоном добавил: «Петруха, не тебе решать можешь ты или не можешь, держись лучше, да по крепче».

Осторожно взвалил Петра на свои плечи и аккуратненько понес на выход. От волнения я только успевала грозно причитать: не приведи Господь, уронишь – убью, поломаешь руки Кирееву – убью, чтоб сдал мне его вечером под замок в целостности и сохранности, иначе точно грохну.

Мой словесный поток угроз, остановил вопрос Владимира – «Ты лучше мне скажи, что у тебя с люфтом?» «А что с люфтом?» - ответила я - «С ним все нормально, я там деревянный чепик в щелочку засунула, держится».

Владимир неожиданно остановился, как бы споткнувшись, развернулся в мою сторону и на меня в упор, внимательно смотрели четыре технически грамотных глаза.

Когда до них дошло, что я уже не шучу, одним вдохом с испугом прошептали: «Ты что мать, одурела, какой деревянный чепик ты всунула в рулевую?». «Мальчики не волнуйтесь, он из красного дерева, не рассыплется». У Владимира уже не было сил смеяться, сквозь слезы еле выдавил: «Петруха, ты там живой?» "Живой, Вовочка, живой".

И ребята вышли из подъезда, я бежала за ними, чтоб показать и доказать безопасность моего чепика.

Владимир бережно плюхнул Петра на сидение и, скомандовал: открой капот! То, что он увидел, трудно поддается описанию - большую часть багажника занимал аккумулятор на 132 Вт. Среди разного нужного хлама, на почетном месте, в образовавшемся зазоре рулевого управления, добросовестно торчал мой чепик.

Владимир не стал пугать Петра, он не мог отделаться от смеха, махнул рукой, закрыл капот, из его глаз брызгали слезы, сел возле Петра, и только смог спросить: аккумулятор с танка сняли?

«Володя, а куда она чепик то засунула?». «Ой, Петруха, не трави душу, а то не доедем, куда надо, туда и засунула, приедем на завод покажу – охренеешь.»

Вот на подобной веселой волне, два мужика, два друга, как два слона в посудной лавке, плавно тронулись и поползли в сторону нашего завода.

А я отвела детей в школу - состояние было такое, как будто всю ночь разгружала кирпич - взяла и спокойно завалилась спать, понимая, что Петр и мой «Запорожец» в надежных и заботливых руках.

Я еще не знала, что у входа в цех, Петра ждал автопогрузчик с ребятами, что в кабинете у него навели марафет, через неделю подвели коммуникации, и жизнь Петра продолжалась еще интересней и насыщенней.

О каких словах благодарности может идти речь, когда Владимир Кошин, как "Отче наш", изо дня в день, на протяжении 4 лет, забирал Петра утром и привозил домой после работы, хотя зачастую проезжали и мимо дома - по делам, и на свои мужские посиделки...

Владимир и его семья стали для нас не просто друзьями, они стали нашей семьей. И как бы не складывались наши судьбы, мы не теряемся, мы вместе.